

© 2020 г.

НЕОСТЫВАЮЩАЯ ПАМЯТЬ (круглый стол)

Участники: ЖАВОРОНКОВ Александр Васильевич – доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН (larkzhav@yandex.ru); ЛЕВАШОВ Виктор Константинович – доктор социологических наук, руководитель Центра стратегических социальных и социально-политических исследований Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН (levachov@mail.ru); ОБРАЗЦОВ Игорь Владимирович – доктор социологических наук, профессор, заведующий социологической лабораторией, профессор кафедры социологии Московского государственного лингвистического университета (igorobraztsov@rambler.ru); РОСТОВЦЕВА Людмила Ивановна – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных дисциплин, Тульский филиал Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, Тула, Россия (rostovtsevali@mail.ru); РОМАНОВСКИЙ Николай Валентинович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН; Российский государственный гуманитарный университет; зам. гл. редактора журнала «Социологические исследования» (socis@isras.ru); ТРОФИМОВА Ирина Николаевна – доктор политологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН (itnmv@mail.ru); ЧЕРНЫШ Михаил Федорович – доктор социологических наук, член-корреспондент РАН, первый заместитель директора по координации научной и научно-образовательной работы Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (mfche@yandex.ru). Все – Москва, Россия, кроме оговоренных.

Аннотация. В мае 2020 г. исполняется 75 лет с той даты, которая в народной памяти отпечаталась как «День Победы». Социологи не должны оставаться в стороне, анализируя как социальные факты, касающиеся самой войны, так и интерпретации военных событий, отношение к ним населения, социальных групп, изучать, как меняется историческая память, какие агенты (субъекты, акторы) оказывают влияние на этот процесс, происходит ли мифологизация той войны и Победы и пр. Журнал организовал заочный круглый стол, пригласив к обсуждению этих вопросов социологов-экспертов, фокусируя внимание не столько на прошлом (хотя этот аспект также анализируется при помощи социологических методов и инструментов), сколько на современности. Мы предложили участникам поразмышлять на тему исторической памяти о событиях 1941–1945 гг., о праздновании Победы и о том, как в массовом сознании россиян воспринимается эта победа и эта война.

Ключевые слова: Вторая мировая война • Великая Отечественная война • историческая память • патриотизм • «Бессмертный полк» • День Победы

DOI: 10.31857/S013216250009400-3

Вопросы:

1. Социологические исследования (опросы) показывают, что в исторической памяти россиян из всех событий XX в. выделяется Великая Отечественная война (ВОВ). Что для населения страны (для разных его групп) означает сегодня Победа?

2. Какие моменты, позиции, дискурсы вам кажутся наиболее значимыми сегодня в интерпретации событий военных лет и празднования Победы?

3. Борьба нашего народа в Великой Отечественной войне воплотила ценности независимости и свободы Родины, во многом став объединяющей национальной идеей. Как вы думаете, сохранится ли такое отношение к памяти о войне в будущем? Что может измениться и почему?

Образцов И.В.: 1. По данным опроса ВЦИОМ (02.11.2018), почти две трети (63%) россиян назвали победу в ВОВ важнейшим историческим событием. При этом такие поворотные моменты в истории страны, как Великая Октябрьская социалистическая революция и распад СССР, вспомнили только по 5% россиян¹. Характерно, что большинство россиян не видят особой разницы между Великой Отечественной войной и Второй мировой войной. Согласно данным ВЦИОМ (29.08.2019), 90% респондентов назвали дату начала Второй мировой войны, но не ошиблись при этом только 32%, половина (52%) считает, что Вторая мировая началась в 1941 г., еще 6% назвали другой вариант².

Думается, для большинства россиян ВОВ до сих пор воспринимается не только как важное историческое событие в жизни страны, но и как часть личной (семейной) истории, связанной с судьбой близких родственников, прошедших испытания и понесших жертвы, а потому детерминирующее «личное», «приватное» ее восприятие. Отсюда и неточности в определении дат, в понятиях, знании бесспорных фактов. Здесь и корни популярности акции «Бессмертный полк», несущей в основе своей личностно-семейную направленность. Согласно данным ВЦИОМ (07.05.2019), с каждым годом растет количество участников акции, в 2019 г. 30% респондентов сообщили, что слышали и принимали участие в ней (против 27% в 2018 г. и 24% в 2017 г.)³.

2. События ВОВ во многом остаются неисследованными именно в социологическом ракурсе, хотя нельзя сказать, что подобного рода усилий вообще не предпринимается. Об этом, в частности, свидетельствует динамика соответствующих тематических публикаций в СОЦИС: в период 1974–1983 гг. – 1 публикация; 1984–1993 – 2; 1994–2003 – 3; 2004–2013 – 10; 2014–2019 – 5. Можно особо отметить и вышедшую к 60-летию окончания Великой Отечественной войны первую и, пожалуй, единственную по данной тематике монографию⁴. Несмотря на широкий тематический охват, включающий анализ жизненных ценностей советских военнослужащих (по материалам писем с фронта), социальный портрет «поколения победителей» – полководцев и рядовых участников войны, анализ социального состава участников партизанского движения на оккупированных территориях СССР, результаты отечественных и зарубежных исследований морального духа вермахта в ходе войны, анализ духовного фактора победы, особенностей проявления исторической памяти у молодого поколения и др., этого явно недостаточно для адекватного отражения социальной картины военных событий.

Только отдельные публикации основаны на реальных статистических и эмпирических данных. Значительная часть материалов носит пропагандистско-публицистический характер, в них отсутствует объективный анализ ключевых событий и факторов, их обусловивших, дискуссионность ряда проблем.

Познавательный потенциал массива архивных материалов, находящихся в открытом доступе или еще не рассекреченных, трудно оценить, как и представить объем предстоящей работы исследователей. Но без нее невозможно дальнейшее продвижение к изучению и осмыслению трагических, полных противоречий и различающихся оценочными суждениями событий ВОВ. Результаты социологического анализа должны существенно дополнить и обогатить историю ВОВ, уже включающую солидные материалы международно-правового, политического, военно-стратегического и экономического характера.

На основе анализа документальных источников предстоит раскрыть тенденции функционирования советского социума в военный период, изменения его социальных параметров; структурные изменения в составе социальных слоев (классов) и социальных групп, характера их взаимодействия и взаимоотношений; социальные корни и причины проявления как патриотизма, так и коллаборационизма; динамику социальных настроений на фронте и в тылу и другие не менее важные проблемы. Конечно, речь идет об описании

¹ <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9404> (дата обращения: 09.03.2020).

² <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9869> (дата обращения: 09.03.2020).

³ <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9682> (дата обращения: 09.03.2020).

⁴ Социология Великой Победы / Под общ. ред. В.Н. Кузнецова. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2005.

явлений и процессов, носивших массовый характер, о типичных поведенческих практиках того периода.

Также необходимо уточнить понятийно-категориальный аппарат этой сферы, например, введенные по идеологическим соображениям термины «фашизм», «немецко-фашистский», «фашистская Германия» для обозначения германского агрессора и его союзников (в противовес повсеместно используемым в зарубежной литературе «национал-социализм» (Nationalsozialismus), нацизм (Nazism) и нацистская Германия (Nazi Germany)).

3. Любые исторические события по мере удаления от них, ухода из жизни непосредственных участников утрачивают значимость для новых поколений. Это естественный процесс. В настоящее время (опрос ВЦИОМ 29.08.2019) в общественном сознании фиксируются изменения в оценке вклада СССР в победу во Второй мировой войне. Если в 2009 г. 86% респондентов оценивали его в качестве «основного», 5% – «очень значительного» и 2% – как «довольно значительного», то спустя десятилетие эти показатели определенным образом изменились: 69, 15 и 10% соответственно⁵.

Особую роль играют намеренные искажения в СМИ итогов и уроков ВОВ и публикация вновь открытых данных о «цене победы». Например, в официальных публикациях последних десятилетий количество безвозвратных потерь варьировалось от 15 до 26,6 млн чел., и это, судя по всему, не окончательные данные. Появление новых фактов входит в противоречие с существовавшей долгие годы «парадной» версией истории войны.

Институты гражданского общества по-своему реагируют на «лакировку событий» и «исторические неточности»: наряду с всенародной акцией «Бессмертный полк», в последнее время обретающей все более формально-организационные формы, набирают популярность движения «Бессмертный барак» и «Последний адрес», постепенно переходящие из виртуального пространства к реализации конкретных акций. Некогда замалчиваемая «теневая» сторона истории ВОВ, связанная с проблемой пленных (по последним данным – свыше 4,5 млн чел.), коллаборационистов (около 1 млн чел.), репрессированных граждан и народов, постепенно становится доступной для ознакомления и осмысления. И это не просто «альтернативная» версия исторических событий, но факты, связанные с сегодняшней релевантностью реальных семейных историй миллионов российских граждан. Очевидно, данная тенденция имеет потенциал дальнейшего развития.

Ростовцева Л.И.: 1. Все мы помним слова песни, написанной бардом-фронтовиком Булатом Окуджавой и исполненной актрисой Ниной Ургант в кинофильме «Белорусский вокзал»: *«А нынче нам нужна одна победа, / Одна на всех – мы за ценой не постоим». Одна победа, общая для всех и благодаря всем победа. Переживания и чувства у всех – одинаковые: радость, что враг повержен, отброшен, побежден, слезы счастья от утрат, неимоверного напряжения сил, самопожертвования... Война сблизила всех, сплотила. И стар, и млад сделали свое дело – сообща, все вместе защитили родную землю. Из маленьких побед каждого родилась Великая Победа. При этом все они, как правило, не думали о том, что совершают что-то героическое, не любили говорить о войне.*

Что означает Победа для населения страны сегодня? Нет однозначного ответа на этот вопрос, у разных социальных групп свое понимание и отношение. Среди причин – и социальное расслоение, произошедшее за годы постсоветских реформ, и трансформация ценностей в результате перехода к рыночной экономике, и плохое знание отечественной истории, в том числе истории Великой Отечественной войны, молодежью, и изгнание воспитательной функции из образовательных учреждений, и ускорение ритма жизни, цифровизация, и политические реалии, попытки переписывания и фальсификации истории, отсутствие идеологии и многое другое. Поэтому наблюдаются две тенденции: с одной стороны, патриотический всплеск, особенно после воссоединения Крыма, «Бессмертный полк», волонтерство, объединяющие людей, с другой – разобщенность,

⁵ <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9869> (дата обращения: 09.03.2020).

общение в виртуальном мире, где вроде бы ты среди сотен и тысяч, а то и миллионов человек в социальной сети, но в реальности – одиночество перед монитором компьютера и гаджета, индивидуализм и рационализм в отношениях с коллегами, соседями, сокурсниками, одноклассниками. Но Победа дает почувствовать, что ты не одинок. Она плачивает, напоминая многовековую истину «Один в поле не воин», только вместе мы смогли победить врага, вместе – мы сила.

Для ветеранов – тех, кто стоял перед лицом смерти, был ранен и контужен, терял друзей и сослуживцев, Победа – фактор неустранимости. После той «мясорубки», как они сами часто называют сражения, в которых довелось участвовать, им нечего бояться. К примеру, это помогло отстоять Свято-Печерский монастырь в послевоенные годы от закрытия властями (об этом пишет Тихон Шевкунов в своей книге «Несвятые святые»). Общеизвестный факт – участники войны, уже ушедшие от нас, в семьях ничего не рассказывали о войне, и их дети и внуки сегодня сожалеют, что сами не расспрашивали. Почему они молчали? Наверно, и потому, что больно и неприятно было вспоминать кошмар войны, и потому, что подчас существовала разница между реальностью и ее официальной трактовкой, несправедливая оценка их воинского «труда»: пленных, людей, проживавших на оккупированных территориях, партизан, лиц, соприкасавшихся по делам службы с союзниками, подозрительно проверяли, иногда мерили «под одну гребенку» – не предатели ли они? Были и предатели – время такое..., лучше держать язык за зубами.

Дети войны, которых по некоторым оценкам сегодня 13 млн человек, – очевидцы войны и Победы. Это поколение, рано повзрослевшее, пережившее голод и холод, горе и страдания, трудившееся вместе с женщинами и стариками под лозунгом «Все для фронта, все для победы». А после Победы они восстанавливали страну из руин. Для них сегодня Победа – «радость со слезами на глазах»: от воспоминаний о пережитом, но для кого-то, возможно, слезы – от отсутствия до сих пор официального статуса, закрепленного на федеральном уровне (хотя в 20 регионах России принят закон «О детях войны», предоставляющий льготы и надбавку к пенсии). Детей войны также становится с каждым днем меньше и меньше. К ним привлекается все больше внимания, но заботы со стороны государства и общества могло бы быть и больше.

Для послевоенных поколений Победа – гордость за отцов и дедов, которые защитили страну и отстояли мир, благодарность им, любовь и уважение. После войны победители стали созидателями. Своим примером научили нас отношению к делу, к людям, к Отечеству. Именно эти поколения идут сегодня в Бессмертном полку вместе со своими детьми и внуками, мотивированные желанием пронести портреты своих родных и близких, стать вместе с ними в один общий строй, сохранить память, мысленно поговорить с ними и сказать: «Спасибо».

Отношение к Победе современной молодежи разное: у патриотично настроенных юношей и девушек – восхищение, гордость за своих предков и страну, удивление, как удалось пережить тяготы и страдания их ровесникам в годы войны («А я так смог(ла) бы?» – примеряют они к себе); у космополитично ориентированных – осуждение, охаивание («Лучше бы сдали Ленинград, чем столько жертв блокады...»), попытки дегероизации имен, ставших символами Победы, мужества, стойкости: Жуков якобы «потопил в крови», Зоя Космодемьянская – «психически неуравновешенная», 28 панфиловцев – «пропагандистский трюк» и т.д.); у индифферентной молодежи – безразличие, они ничего не могут сказать о своей семье в годы войны, плохо знают историю, колеблются в своей самоидентификации.

Студентка-первокурсница Тульского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова Сирануш Арутюнян так ответила на вопрос о том, что означает Победа для нее: «Это память о войне. Гордость за беспримерный подвиг воинов и тружеников тыла передается из поколения в поколение, объединяет всех нас, служит нам незыблемым нравственным ориентиром. Именно они определили исход войны, повернули “колесо истории” к миру и прогрессу. Я всегда буду помнить о том, какую высокую цену заплатил наш народ за эти долгожданные

мгновения торжества и триумфа и какое мужество требовалось от людей в те непростые и сложные годы. Стойкостью, беспримерным мужеством защитники показали всему миру, что нет и никогда не будет такой силы, которая смогла бы поставить на колени русского человека». Это слова девушки-армянки, которая в эссе для пятой книги поколений «Мы помним...» с гордостью сообщает, что обнаружила в своем родословии русскую прабабушку, значит, и в ней есть русская кровь.

Но так думает не вся молодежь. В 2019 г. наше социологическое исследование «Заглянем в будущее» (450 студентам из Тулы, Москвы и Коряжмы Архангельской области предлагалось написать письмо другу, датированное 2044 годом, и сообщить ему изменения, произошедшие в жизни за четверть века) выявило желание эмигрировать из России у 17%. Для сравнения: опрос методом личного интервью Левада-центра в 2019 г. выявил желание переехать за границу на постоянное место жительства у 21% россиян, а эмиграционные настроения у молодежи 18–24 лет оказались у каждого второго (!?)⁶.

2. Наиболее значимой проблемой сегодня в интерпретации событий военных лет и празднования Победы является стремление переписать историю Второй мировой войны, героизировать нацистских преступников, обвинить Россию в холокосте, развязывании войны наряду с Гитлером и прочих грехах, приуменьшить роль СССР в избавлении от «коричневой чумы». Преуспевают в фальсификации истории Польша, страны Прибалтики, Украина.

Еще одна важная проблема – недостаточное (а точнее – плохое) знание молодежью истории и необходимость совершенствования системы патриотического воспитания перед лицом существующих военных, экономических, информационных, политических угроз. По данным ВЦИОМ, верный ответ на вопрос о дате начала Великой Отечественной войны дали только 40% опрошенных в возрасте 18–24 лет (от 45 до 59 лет – 83%). «Более половины респондентов (55%) знают, что их родственники воевали, но не в курсе подробностей. Подавляющее большинство граждан смотрели фильмы о войне (88%), при этом востребованность тематической литературы в разы ниже: в течение года соответствующие книги прочли 23% респондентов, причем с 2014 г. эта доля снизилась (с 30%)»⁷.

Вклад в решение этих двух проблем вносят проект «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов» и серия из пяти книг воспоминаний и размышлений поколений «Мы помним...». Проект родился в 2009 г. на тульской земле. Провозглашение Степана Бандеры национальным героем Украины, снос памятников в Эстонии и Грузии, незнание студентами подвигов своих дедов и прадедов и имени Зои Космодемьянской (из 62 чел. только двое были осведомлены о ее героизме) на фоне попыток дискредитации в СМИ ее имени явились импульсом к появлению этого проекта и в его рамках первой книги поколений «Мы помним...», посвященной 65-летию Великой Победы, создаваемой для молодежи и с ее участием. Так начала создаваться «народная история» на основе приглашения авторитетных авторов и конкурса эссе «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов», организуемого Тульским филиалом РЭУ им. Г.В. Плеханова и Центром общественных наук МГУ имени М.В. Ломоносова при участии Комитета Тульской области по спорту, туризму и молодежной политике. В пяти книгах поколений «Мы помним...» (под ред. Ю.М. Осипова, Л.И. Ростовцевой) за 10 лет опубликовано более 1000 работ авторов от 7 до 100 лет. То, что позднее сделает «Бессмертный полк», мы сделали на страницах книг поколений «Мы помним...», главной идеей которых стал посыл «От истории семьи и рода – к истории страны».

Серия книг поколений «Мы помним...» отражает подвиги не только на фронтах и в тылу, в плену и оккупации, но и в промышленности и сельском хозяйстве, науке и искусстве, культуре и образовании, спорте, при исполнении интернационального долга и др. Она приоткрывает биографии как знаменитых в России и даже в мире талантливых людей (маршалов, космонавтов, конструкторов оружия, руководителей государства,

⁶ <https://pobedarf.ru/2019/11/27/89346747nu/> (дата обращения: 26.04.2020).

⁷ <https://ria.ru/society/20180622/1523207683.html> (дата обращения: 26.04.2020).

спортсменов, ученых и др.), так и обычных тружеников, героев и подвижников, известных пока лишь в своих семьях или на малой родине, показывает влияние войны на судьбы героев и их семей. В этих книгах – правда из первых уст, уникальные документы семейных архивов, музеев о подвигах армии и народа, семейные предания.

В 2015 г. по Красной площади впервые прошел Бессмертный полк, в 2016 г. начала издаваться серия книг «История, рассказанная народом» Институтом экономической стратегии РАН, которую его директор А.И. Агеев назвал «важной работой» по сохранению исторической памяти. Сегодня создание «народной истории» набирает обороты. Актуальной становится работа по ее научному осмыслению.

3. С одной стороны, сегодняшний всплеск интереса к истории семьи и рода способствует не только сохранению исторической памяти, но и укреплению связи поколений, совмещению коллективного и индивидуального. Семья, свобода, независимость и другие традиционные ценности являются зоной стабильности в условиях быстро меняющегося мира, стремительно возрастающего потока информации. А потому День Победы останется семейным и общим праздником.

С другой стороны, цифровизация оказывает большое влияние на образ жизни и поведение, вызывая как положительные, так и отрицательные явления, которые могут привести к искажению исторического сознания, разрушению национальной идентичности. К примеру, «цифровое кочевничество» как мобильный образ жизни, основанный на постоянной смене места проживания, использовании цифровых телекоммуникационных технологий для удаленной занятости и решения бытовых вопросов, означает иное восприятие пространства-времени, собственную систему ценностей, своеобразную идентичность, часто без нравственных опор.

Наше социологическое исследование мнений и ожиданий студенчества «Заглянем в будущее» выявило его оптимистические ожидания. На вопрос «Что вы ожидаете от цифровой экономики и цифровизации общественной жизни прежде всего?» с большим отрывом лидирует ответ «Повышение уровня и качества жизни» (61%), в четыре раза реже (15%) отметили угрозу существованию человека из-за создания искусственного интеллекта. Все остальные перспективы, положительные и отрицательные, осознаются примерно одинаково, следуя с разницей в один процент: на втором месте оказалось сокращение затрат, рост эффективности производства (37%), на третьем – новые возможности потребления (36%). Проблему безопасности данных, рост мошенничества указали 35% студентов, рост безработицы из-за роботизации, цифровизации, безлюдных технологий – 34%. Избавление от болезней, увеличение продолжительности жизни ожидает каждый третий (33%), сужение личного пространства, нарушение частной жизни, постоянное наблюдение – 32%.

Угроза существованию человека подступает все ближе, но молодежь не думает о ней (и не страшится?). Если бы предложили вживить чип ради удобства, чтобы не пользоваться ключами, наличными и т.д., только чуть более половины (56% респондентов) отказались бы, а каждый пятый готов это сделать, почти каждый четвертый – в раздумье (затруднились с ответом 24%). 73% опрошенных предполагают, что будут проживать в России и иметь российское гражданство, 17% видят себя живущими за границей. Каждый десятый, очевидно, не определился – в письме обходит этот вопрос. Однако 92% при этом считают необходимым при принятии решений учитывать опыт прошлого.

Левашов В.К.: 2. Общественный и научный дискурс вокруг феномена Победы над европейским фашизмом в XX в. достиг высокого накала и порой стал принимать непримиримый, антагонистический характер. В публичном поле идет ожесточенная война социальных и политических смыслов, значений, причин и последствий этого всемирно-исторического события. Идеология, которая одержит победу в этой информационной войне, возьмет власть над обществом и его будущим. Стремление народа и политического руководства России сохранить достоверную историческую память и гуманистическое наследие Победы встречает ожесточенное сопротивление новой генерации европейских фашистов и их клиенты, которые хотят взять реванш и легитимировать агрессию против России

как метод борьбы за рынки, глобальное жизненное пространство и стратегические ресурсы. В этой борьбе открытые и латентные фашисты и их агенты в лице расистов, националистов и экстремистов, судя по многим признакам, находят негласную поддержку части западного либерального и демократического истеблишмента.

Идеологическая стратегия современных геополитических конкурентов и исторических «ненавистников» России заключается в стремлении наполнить имена Сталина и Гитлера одинаковым историческим социально-политическим фашистским смыслом и тем самым создать в европейском общественном сознании и политическом сообществе миф о нелегитимности действий советского государства и существовании России как его преемницы. Очевидно, нужна научно корректная, взвешенная оценка, которая не может быть дана без признания ошибок советского прошлого и российского настоящего.

Что необходимо сделать? Во-первых, отказаться от традиции тотального очернения русской, советской, российской истории, восстановить неразрывность социально-политической связи времен и непрерывности исторического процесса. В XX в. были последовательно оболганы все политические лидеры страны: Н. Романов, В. Ленин, И. Сталин, Н. Хрущев, Л. Брежнев, М. Горбачев, Б. Ельцин. По каждому из них велись масштабные кампании в мировых и отечественных СМИ. Их цель – создать в гражданском обществе России комплекс морально-политической неполноценности, посеять настроения неопределенности и неуверенности в будущем, недоверия власти и российскому государству. На протяжении трех веков государство и общество, начиная с Крымской войны, не перестают отбивать вооруженные и информационные интервенции, связанность и продуманность которых свидетельствует о существовании эшелонированного стратегического замысла разрушения российской государственности с целью захвата и раздела российских природных ресурсов и рынков. Победа советского народа в Великой Отечественной войне обеспечила народам Европы мир на полвека. Но с развалом СССР мирный период закончился бомбардировками Югославии.

Во-вторых, российской политической элите не удастся утвердить публичную легитимность Победы без научного осознания и пропаганды морально-политических, социально-политических, социально-экономических, военно-политических истоков и мотивов подвига советского народа, который он совершил, освобождая Европу от фашизма и открывая для мировой цивилизации гуманистическую перспективу развития. Реализовать эту комплексную научную задачу невозможно без глубокой социологической разработки проблематики советского общества и государства как Родины и Отечества, которые защищал советский народ-победитель в борьбе за ценности независимости, свободы и социальной справедливости.

Актуальные вызовы безопасности и устойчивому развитию российской государственности, рост националистических и фашистских организаций в Европе и мире требуют безотлагательного объединения ресурсов и усилий отечественных и зарубежных ученых с целью получения и распространения достоверного знания о Победе советского и других народов над европейским фашизмом во Второй мировой войне.

Черныш М.Ф.: 1. Для большинства населения Победа обозначает подведение черты под страшным периодом отечественной истории – временем истребительного нашествия и чудовищных потерь, не только людских, но и экономических, социальных, культурных. Война поставила на край бездны само существование народов России, у нацистов были далеко идущие планы в отношении эндогенного населения российских регионов. Неполноценных славян, другие народы планировалось или полностью уничтожить, «окончательно решив» проблему Lebensraum, или превратить в рабов, выслать в Сибирь, где они должны были бы выживать в нечеловеческих условиях. У английского писателя Роберта Харриса есть роман-дистопия «Фатерлянд», посвященный тому, как бы мог выглядеть мир, если бы победили нацисты. В этом мрачном, готическом мире не только сами народы на востоке Европы истреблены или вытеснены на восток, но память о них, память о преступлениях против них, которые совершали нацисты, стерта отовсюду. Главный герой лишь

случайным образом узнает, что когда-то на земле был такой народ – евреи, а о русских он знает лишь то, что они за Уралом продолжают неорганизованно вести борьбу против захватчиков, но нацистский режим непоколебим и даже приветствует некоторое напряжение на границах: вермахт должен чувствовать сопротивление человеческого материала, чтобы держаться в боевой форме.

Этот мыслительный эксперимент автора всего лишь плод его воображения, итог интеллектуальной спекуляции, в реальности была Победа, демонический режим был повержен, и это сделали наши деды, солдаты и офицеры Красной Армии. Здесь есть чем гордиться, но есть и повод для размышлений. Победа далась слишком большой ценой. Мы возможно не осознаем масштабы ущерба, который был нанесен народам СССР, другим народам, но травму войны, ее демографические, генетические, социальные последствия мы по-прежнему несем в себе. Травма эта такой глубины и масштаба, что полную реабилитацию социума можно ожидать не раньше, чем через столетие.

Осознавая масштабы травмы, мы сделали важные для себя выводы: никогда больше! Любое покушение на существование российского населения и страны должно быть чревато для агрессора серьезными последствиями, повергающими его в состояние, несовместимое с жизнью. Это «никогда больше» влияет и будет влиять на российское общественное сознание, на то, как расставляются в нем ценностные приоритеты. И в этом измерении – политическом, экономическом, военном – тоже эхо той войны. В среде либералов-западников слышатся ернические нотки, когда кто-то из старшего поколения готов мириться с несправедливостью, жестокосердием власти, нищетой, и все для того, чтобы «не было войны». Но за видимостью, за этой простотой и невзыскательностью – трагедия трех поколений, историческая память о потерях, о близких – отцах, сыновьях, матерях, которых взяла война. Победа – это, кроме всего прочего, и способ напомнить молодым людям, пришедшим в этот мир спустя многие десятилетия после нее, о том, какую высокую цену заплатил народ за то, чтобы жить, за то, чтобы они имели возможность, придя в этот мир, менять его к лучшему.

2. Дискурс о Победе, об Отечественной войне подвержен эволюции точно так же, как любой дискурс, любая общественная тематика. В каждый период этот дискурс распадается на множество линий, формируемых обстоятельствами общественной жизни. Во-первых, на представлениях о войне сказались неудачные реформы образования, переход от «живого» обучения к алгоритмизированным, «егэшным» программам обучения. Сегодняшние школьники очень мало знают о войне не потому, что плохи учителя истории, а потому, что само знание носит анкетный характер, акцентируются даты, названия, фамилии, все то, что быстро забывается, как только пройден курс, а живое переживание истории, «врастание» в историю своего народа не происходит. Из образовательного процесса ЕГЭ стал высшим смыслом и единственной целью, которая учащимися и их родителями признается главной. Ведь от этого зависит будущее, ну а прошлое можно отодвинуть как нечто необязательное, факультативное. Неудивительно, что многие выпускники средней школы даже не знают, с кем была война и за что, какие сражения были главными и когда это происходило. Наблюдая официальные мероприятия по поводу победы, марши людей, несущих портреты павших на войне родственников, школьники понимают, что поводом для них стали значимые события, но точных знаний о них, выходящих за рамки самих текущих событий, у большинства из них нет.

Вторая линия, не слишком влиятельная, но настойчивая, ведется меньшинством, предлагающим считать войну общей европейской трагедией, в которой СССР и нацистская Германия равны в жестокости и заслуживают осуждения. И те, кто отправлял людей в газовые камеры, и те, кто освобождал Освенцим, с этой точки зрения одинаково виновны потому, что одинаково служили эгрегору мирового господства, заражали миллионы сограждан ложными идеями национального превосходства или социального равенства. И если Германия, немецкий народ признали свою историческую вину, покаяться за совершенные тогдашней властью преступления, Советский Союз и Россия как его преемница

этого не сделали и очередь за ней. Именно поэтому, считают они, следует отказаться от праздника Победы, от славы Сталинграда и Курска и начать думать о конкретных людях, которые сложили головы на той войне, вспоминать не только Сережку с Малой Бронной и Витьку с Маховой, но и Ганса с Унтер ден Линден. Ведь и он был молод и мог бы жить, но был убит где-то под Бобруйском во время отступления. Когда эта позиция становится предметом публичного обсуждения, то вполне законно вызывает у многих российских граждан аллергическую реакцию. Именно так, негативно и возмущенно, реагировало большинство российского населения на рассуждения ведущих «Дождя» о том, что Ленинград не должен был стоять насмерть, а должен был бы сдаться. Тогда, мол, многие его жители уцелели, да, к тому, добавим от себя в той же логике, «пили бы баварское». Мальчик Коля из Нового Уренгоя, не сам, конечно, а по научению взрослых, выступая в Бундестаге, выразил сочувствие погибшим в России немецким солдатам, тоже, мол, люди. И в первом, и во втором случае логика молодых «смердяковых» опирается на ложный тезис о том, что поражение от победы отличать не стоит, и что Россия должна взять на себя долю ответственности за войну потому, что и она тоже ее приготавливала. Многие из подобных взглядов формируются на почве, унавоженной глухим невежеством. Если бы ведущие «Дождя» знали, что вермахт вовсе не планировал спасать жителей осажденного Ленинграда и тем более завозить в город «баварское», а, подчиняясь приказам фюрера, ставил целью добиться вымирания его населения от голода и болезней, чтобы затем стереть его до основания (порабощенные народы не имели прав на свою культуру, свои города), то, наверное, не стали бы спекулировать на болезненную тему блокады, ее причин и последствий.

Третья линия, широко представленная в СМИ, развивалась в логике бюрократического официоза. После распада СССР из общественного сознания населявших его народов исчезли важнейшие координаты социальной идентификации. То, что до этого мыслилось как сакральное, вечное, несокрушимое, одномоментно стало профанным, переходящим, имеющим ничтожную ценность. Попытки пропагандировать свободы, призывы самоопределяться в новых условиях не имели серьезного успеха, когда подавляющее большинство, потеряв страну, оказалось перед лицом нищеты, безработицы, профессиональной декавалификации. Экономика, социальная жизнь на целое десятилетие погрузились в кризис, который дал импульс центробежным силам, ведущим страну к следующей фазе коллапса. Начался «парад суверенитетов», в ходе которого некоторые субъекты РФ заявляли о необходимости «двухъярусной» системы управления в России, в рамках которой некоторые республики смогли бы иметь собственные конституции, военные формирования и право в ряде ключевых аспектов жизни выходить из подчинения федеральному центру. Опыт первых лет российской жизни убедительно продемонстрировал, что общество в состоянии анонии нежизнеспособно: рождаемость упала до минимальных значений за всю российскую историю, население страны вымирало по 800 тысяч в год, специалисты, ученые в массовом порядке покидали страну, преступность, коррупция парализовали работу важнейших экономических и социальных институтов. В какой-то момент руководство страны пришло к пониманию того, что восстановление жизнеспособности общества, хотя бы частичное, ограниченное, невозможно без нового Национального Мифа, который будет привлекателен, понятен большинству граждан. Российский миф, в отличие от этноориентированных мифов в бывших союзных республиках, должен был иметь универсалистский, объединяющий характер. Он должен был обладать свойством трансгрессии по отношению к тем границам – социальным, экономическим, этническим, – которые породил текущий кризис. Как любой миф, он должен был включать в себя нарратив о страдании и преодолении, о героях и врагах, о жертве и победе. Всеми названными характеристиками обладал только один период недавней российской истории – Великая война и Великая Победа. Именно это событие поставили в самый центр общественной жизни, сделали главным во всей новейшей истории России. Возрождение национального мифа стало одним из факторов, сыгравшим в российском обществе

стабилизирующую роль, формировало чем дальше, тем больше фундамент новой российской государственности. Этот процесс неизбежно сталкивался со множеством противоречий, не имевших очевидных решений. В патриотических кругах власть подвергалась критике за то, что, лицемерно славя Победу, она по сути вела дело к развалу всего того, что Победа должна была сохранить. Чиновники, поднимавшие знамя патриотизма, были замечены в масштабной коррупции, вывозе капиталов за рубеж, скупке элитной недвижимости в Европе и США. В кругах так называемых либералов в национальном мифе о Победе увидели признаки возрождения государственнической идеологии, стремление к автаркии, противоречащее глобализации, импульс к поиску внешнего врага для оправдания внутренних неурядиц. И самое главное: Национальный Миф, который строится из одних лишь прошлых заслуг и побед, не имеет вектора, устремленного в будущее, не рождает картин будущего, которые могли бы стать для молодых людей источником оптимизма. Праздник Победы прекрасен, но почему население в стране, одержавшей Победу, имеет такие низкие стандарты жизни? Почему в этой стране возникло столь вопиющее неравенство? Почему элиты страны-победительницы из кожи вон лезут для того, чтобы получить вид на жительство или гражданство для своих детей в странах Европы или США? И, в конце концов, в каком направлении идет страна и где она окажется через два или три десятилетия, если ее экономика будет столь же неэффективна, как сейчас, если рождаемость в ней будет столь же низкой, как сейчас, если не будет запущен механизм экономического роста? Праздник Победы – это лишь стартовая точка в процессе конструирования Национального Мифа, но надо понимать, его конструкция не может ограничиться прошлым, в нем должно быть правдоподобное объяснение настоящего и толика визионерства, картины будущего.

Можно было бы говорить о четвертой линии, которая находится в латентном противоречии со всеми другими, перечисленными выше. Речь идет о том, что в современной ситуации можно было бы охарактеризовать как возрождение семейной истории. Ренессанс семейных историй стал до определенной степени непреднамеренным последствием поиска новых идентичностей в условиях анонии. Личные истории войны, рассказанные родственниками, личные семейные истории переживших войну актуализировались как первичный материал новой идентичности, соединяющей поколения, индивидуальное и коллективное. Личные истории войны очень часто расходились в расстановке акцентов как с теми трактовками войны, которые предлагали «европоцентристы», так и с той линией безусловной Победы, на которой настаивало и настаивает государственная машина пропаганды. Думается, именно благодаря этой четвертой линии в дискурсе о войне праздник Победы останется с нами на долгие годы. Размыть значение Победы не удастся именно потому, что она вошла в канву личной истории, собственной идентичности, которая через нее, при ее посредстве обнаруживала общность, родственность с другим, слившимся, выражаясь языком Лакана, воображаемое с символическим.

3. Многое в том, как Победа и Великая война будут восприниматься в обществе, зависит от того положения, в каком будут страна и российское общество в ближайшие десятилетия. Российское общество встало перед дилеммой. Если продолжится стагнация, если медицина, образование и наука будут в том же захолустном состоянии, как сейчас, то Победа все чаще будет предстать настоящему как контркультура, как «славное прошлое», утраченное бездарными потомками. Что-то подобное мы иногда слышим 12 апреля, в День космонавтики, когда вспоминается великая победа науки и техники – первый полет человека в космос: прости нас, Юра, мы все потеряли. Контркультурная трансформация приведет к тому, что Победа потеряет для значительной части населения свое мобилизующее значение. Патриотическое настроение невозможно поддерживать только за счет прошлого, при том что «ролевые модели» успеха, бескорыстия, борьбы за лучшее будущее приходят в российскую культуру прежде всего из-за рубежа. Альтернативный вариант, в который вписан Праздник Победы, – это поворот к динамичному развитию, к поощрению творческих сил в обществе – в науке, образовании, искусстве,

предпринимательстве. А это невозможно без радикального поворота в общественном сознании, начало которому должны положить российские элиты. В их отношении с обществом должна утвердиться «политика честности и служения», которая только и может стать основой нового доверия и развитием тех ценностей, которые ассоциируются в общественном сознании с Победой. Надо признаться, что второй вариант выглядит утопично, не имея серьезных предпосылок в настоящем. Но было бы неверно считать, что он совершенно невозможен. Как говорил Маркс, старый крот истории роет, и хотя мы не видим пока результатов его работы, но в том, что такая работа делается, сомневаться не приходится.

Трофимова И.Н.: 1. Из всех аспектов исследования коллективной памяти наиболее актуальным является, пожалуй, отношение к событиям, которые стали переломными в жизни общества. Великая Отечественная война 1941–1945 гг., безусловно, относится к ним. Проблема заключается в том, что значимые события могут одновременно объединять и разъединять общество, и в *memory studies* этот момент отражен. С одной стороны, коллективная память связана с идеей сообщества, как длящейся во времени сущности, и предполагает манифестацию этого чувства длительного совместного существования⁸. При этом каждое общество использует отдельные прошлые события как фокусные точки для конструирования коллективной идентичности⁹. Такие события разграничивают этапы общественного развития на «до» и «после» и служат своеобразными моделями, позволяющими анализировать текущую ситуацию и прогнозировать будущее, управлять общественным мнением, например: «Мы победили в такой жестокой войне – теперь не боимся никаких трудностей». С другой стороны, переломные события дифференцируют публичную сферу, отношение к ним выявляет различные, в том числе противоположные, точки зрения, что провоцирует разногласия и конфликты. При этом, чем острее идейные противоречия в обществе, тем больше внимания уделяется прошлому: оно постоянно отбрасывается, фильтруется и реконструируется в соответствии с нуждами и запросами настоящего как на индивидуальном, так и коллективном уровне¹⁰. Раньше были «западники» и «славянофилы», сегодня – «патриоты» и «либералы».

Победа в Великой Отечественной войне, безусловно, вызывает гордость у сегодняшних россиян. Но публичное проявление этого чувства все больше зависит не от групповой принадлежности, а от сочетания индивидуальных качеств, определяемых уровнем культуры и образования, особенностями текущего контекста. Поэтому, наряду с искренним уважением и заботой о ветеранах можно наблюдать черствость и равнодушие, наряду с чествованием – фарс и гламур, наряду с интересом к истории – забвение и невежество.

2. В истории ВОВ нет малозначимых страниц, но в интерпретации событий военных лет и празднования Победы значение сегодня приобретают идеологические, геополитические и социокультурные сюжеты, например:

а) *политика памяти и легитимация власти*. Мы видим рост числа дискуссий и резонансных откликов на события, связанные с историей вообще и ВОВ в частности. Это говорит об обострении идеологической борьбы за память, более того – за право интерпретировать ключевые события. В преддверии «выборов – 2024» коммеморация Победы в Великой Отечественной войне приобретает особое значение;

б) *глобализация и интернационализация коллективной памяти*. Некоторые события и памятники истории имеют статус национальной святыни, и Победа в Великой Отечественной войне, безусловно, таковой является. Но имеет ли память о событии национальную юрисдикцию, каковы ее основания и пределы? Имеют ли право бывшие союзники

⁸ Олик Дж. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. 2012. Т.11. № 1. С. 41.

⁹ Eisenstadt S.N., Giesen G. The Construction of Collective Identity // European Journal of Sociology. 2009. Vol. 36. No. 1. P. 82.

¹⁰ Jedlowski P. Memory and Sociology: Themes and Issues // Time and Society. 2001. Vol. 10. No. 1. P. 30.

сомневаться в том, что СССР сыграл решающую роль в победе над германским фашизмом? Какими могут быть моральные и юридические последствия принятия инициативы президента В.В. Путина о недопустимости умаления подвига российского народа при защите Отечества в качестве конституционной нормы?

в) *замещение коллективных представлений индивидуальными*, фрагментация, распад общей картины, расхождение источников и способов получения исторического знания, единение в большей степени на уровне эмоций, чем понимания исторических фактов и явлений. Это – вызов не только для государственной политики, но и гражданского общества, местных сообществ, необходим поиск таких форм культурного и образовательного воздействия, которые апеллировали бы к общечеловеческим ценностям.

3. Безусловно, отношение к памяти о Великой Отечественной войне в будущем изменится. Динамика памяти определяется сменой поколений. Как отмечает А. Ассман¹¹, каждая такая смена, происходящая примерно с тридцатилетним периодом, заметно сдвигает в обществе профиль его воспоминаний. На поверхности коллективной памяти со временем останутся ключевые фигуры и события, вытеснив подробности и детали. Вероятно, отдельные сюжеты будут романтизированы средствами искусства. Можно ожидать появление и развитие новых форм краеведения Великой Отечественной войны – квесты, реконструкции и пр. Но мы не знаем, что нас ждет впереди, – в трудные времена наше общество всегда будет вспоминать Победу в Великой Отечественной войне и ту цену, которую оно за нее заплатило.

Романовский Н.В.: 1. Социетальная роль войны и – косвенно – Победы в современной России и актуальна, и важна, и тревожна. Убежден, война сегодня – один из важнейших центрирующих нашу страну факторов. Он и СССР цементировал – до поры до времени. В чем эта роль? Нынешние средовые фреймы – это мои личные собранные методом наблюдения данные – разоблачают. А память о войне еще держится, не давая простор враждебности. Если менять большую рамку, память иссякнет, уйдут и эмоциональные узы. Припомните траектории памяти о войне Первой империалистической. Поэтому нужны ремонтные работы на фундаменте, можно пускать в ход технологии (а о них даже историки культурных революций говорят робко) реализации перемен, схожих по последствиям с состоявшейся культурной революцией.

Ж.Т. Тощенко прав, расширив идею травмы на историю нашего общества. Важно это для знания и понимания «общества, в котором живем», важно для верхнего эшелона власти, для властей на местах, для всех. Травма видна во всем – потому и незаметна. Сколько лет не рожали, сколько семей были разрушены или не состоялись, сколько «фронтовых 100 грамм» создали привыкших к «ней» людей, сколько откладывали предоставление людям жилья, да всего и не перечислить.

2. Фальсификации истории – половина моей жизни в науке, обе диссертации (1968 и 1980) об этом. Правда, их объект литература о начале XX в. в аспекте истории КПСС. 25 лет не вылезал из спецхранов. Могу экспертно оценить эту сферу знания. Фальсификация истории – сталинское выражение – см. издание 1948 г. «Фальсификаторы истории (Историческая справка)». Там миру были продемонстрированы все проблемы, вокруг которых и сейчас идут ожесточенные споры в связи с предвоенной политикой заинтересованных сторон. Приемы, методы – те же. Просто сейчас еще и «цифра» используется – выросли когорты, которые а) слепо верят экрану, б) ничего, кроме сказанного компьютером, не читают, не знают. Дурачить таких – одно удовольствие. Следов почти не остается, ответственности никакой.

Фальсификации истории – чистая политика, она и в предвоенные годы была политикой, и сейчас остается ею – цели и аргументы меняются. Берется факт – он и в прошлом людьми разных позиций (в жизни), разных взглядов трактовался по-своему. Трактуй, как нужно

¹¹ Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 18.

тебе или заплатившим тебе (выдавшим тебе грант, стипендию, гонорар и т.п.). Так и здесь – что одна армия пришла, что другая, что вождь, что фюрер – все равно нам, здесь досталось и от тех и от других. Удобно, да и с виду похоже на правду жизни: как-то слышал на российско-польском семинаре в ИС РАН об исторической памяти по поводу ощущений в дни, когда немцы оставили Варшаву и в город вошла Красная Армия. Запомнилось вот что: холод был, все разрушено, боялись, что будет. А ведь правда жизни, не придерешься. Или пример из времени поближе: чем в Чечне запомнился день 23 февраля? День защитника Отечества? Или день, когда в 1944 г. была проведена депортация? И тут и там историческая память – жесткая и беспощадная. Попробуй, примири! Или стихи, что цитирует Ж.Т. Тощенко: «Знаешь друг, я сниму с тебя валенки. Нам еще наступать предстоит». Чем не иллюстрация мародерства без предела? Толкуй как хочешь! Дело в позиции вспоминающего, во времени и месте события и воспоминания. Для американцев гораздо важнее, чем для нас, война 1941–1945 гг. на Тихом океане; вот вам предпосылка говорить о Сталинграде по-своему. Это их правда. Мы забываем кампанию 9 августа – 2 сентября на Дальнем Востоке, все сосредоточено вокруг 22 июня 1941 – 9 мая 1945 г. Для многих моих соотечественников Великая Отечественная и Вторая мировая – одно и то же. И это наша правда.

В архивах много интересного, важного, неожиданного, страшного. Все это нужно осваивать – уйдут годы. О войне 1941–1945 гг. – к тому времени подзабытой или, не дай бог, заслоненной более страшными событиями – станут говорить языком академическим. Но это не повод для спокойного созерцания вакханалии с историей в наши дни.

В фальсификациях сегодняшнего дня есть аспект, частично незамечаемый, частично намеренно скрываемый. К тому же речь о широко распространенной в социально-политических трудах концепции (доктрине, по характеристике ученых ГДР) тоталитаризма. Ее создали люди, подобные тому крестьянину из времен гражданской войны (красные приходят, белые приходят...). Так и с тоталитаризмом. И тут и там насилие, монополия на оружие, манипуляция и т.п. Сходств для выстраивания доктрины набрать можно. А суть ее проста – коммунизм не отличается от фашизма, СССР от нацистской Германии, Сталин от Гитлера и т.п. На стыке советского и постсоветского режимов в академических кругах шли дебаты об этой доктрине. Мнения разделились, с перевесом в пользу ее сторонников. Хотя мне их позиция не виделась убедительной, но время было такое – разгул демократии. На том и остановились, а «доктрина» живет. Нет-нет да и назовут Советский Союз (с его вождями) тоталитарным. И проходит незамеченным. Что не мешает «нашим» шуметь на пределе горла о фальсификациях. А попробуйте, по совету Гегеля, «войти в сильную сторону» аргументации оппонентов.

Впрочем, есть иной – моральный аргумент. Спросите о тоталитаризме, о том, что знали для «тех, кто воевал», социализм и фашизм, Сталин и Гитлер, спросите, по примеру Твардовского, мертвых: «Пусть не слышан наш голос, вы должны его знать».

Возвращаясь к вопросам журнали, делаю признание. Многолетняя работа с оглядкой на цензуру, на «рамочные условия» моего времени сказываются. «Тоталитаризм» из попадающих мне на редактирование статей удаляю. По-иному не могу. Память о войне. Две большие разницы. Настолько большие, что нельзя не видеть разницу – при желании, или из интереса, или по простоте.

Жаворонков А.В.: О войне я могу говорить только как социолог. Высокая оценка свершенного в войне у народа присутствовала всегда. Я хорошо помню первую годовщину, когда был праздник. Мне было 5 лет, а на Красной площади яблоку негде было упасть, но ни одного милиционера не было. И порядок был полный, он был в самих людях. Есть такой факт: 9 мая 1945 года народ сам вышел на улицы. Была заполнена и Манежная площадь перед посольством США. И есть оценка этого одним из высокопоставленных сотрудников посольства, которую он высказал корреспонденту Би-би-си Александру Верту, глядя с ним из окна вниз на толпы народа. Она сводилась к констатации наивности ликующих людей, так как война только начинается, а Гитлера надо повесить только за одно то, что он дал русским понять свою мощь. Так что высокие оценки сути войны существовали всегда и

всеми трактовались на свой лад. И когда этот день стал не выходным, и когда его снова сделали таковым на 20-летие Победы – люди прекрасно осознавали его значение. Даже когда принижалась военная тематика, например, при Хрущеве пересматривалась оценка роли Сталина. А к его политике можно относиться по-разному, но, например, в 1950-х гг. было распространено мнение, что Сталин, как и Черчилль, – примеры военного времени. И в условиях иного фактического обустройства власти в нашей стране смена жесткости курса после войны стала бы обыденным делом.

В современном российском обществе идут очень сложные социальные процессы и оценка войны неоднозначна. Мы наблюдаем следующие три момента. Во-первых, подмена того, что называется этосом, т.е. смысловых полей. Средствами массовой информации и определенными корпоративными властными группами культивируются такие смысловые потоки, которые имеют пафосный, чувственный, мистический характер. Отсюда происходит абсолютизация значения определенных событий. Выделяются фрагмент происходившего, героический поступок и им придается сверхъестественная значимость. Во-вторых, в официальных речах опускается и принижается реальный вклад в победу, который внес весь народ. За 1941–1942 гг. было эвакуировано более 17 млн человек – это не беженцы, не мигранты, а именно эвакуация – дети, старики, женщины, рабочие, размещенные в условиях военного времени. Некоторые теперь утверждают, что эвакуация проходила под «дулом» НКВД, но совершенно ясно, что для сделанного людьми никаких «дул» не хватит. В официальных речах звучит, что были эвакуированы «десятки предприятий», а их было 2593, и 1523 из них – крупные. Конечно, формально верно – 259 десятков, но смысловое поле аудитории искажается относительно реальности. Другими словами, снижается оценка подвига и вуалируется уровень организации. Они переводятся в другую плоскость. Г. Гудериан пишет прямо, что попытка захватить Тулу с ходу, натолкнувшись на сильную противотанковую и противовоздушную оборону, провалилась. Таким образом, враги признают, что была организация, а мы говорим об отдельных подвигах, придав им мистический смысл и обязательно в «страдательном» залоге. Тут важен и третий момент – происходит подмена символики войны разными группами частных интересов. Бессмертный полк имеет эмблему – солдатская звезда, где серп и молот заменены Георгием Победоносцем с копьём. Мелочь... Но для справки – в некоторых иконах Русского Севера Георгий поражает Змия не копьём, но свитком со словом Правды. Победа была под Красным знаменем с серпом и молотом.

Эти три момента – подмена этоса пафосом, уменьшение трудового подвига, подмена символов – все связаны. При помощи средств массовой информации происходит пропаганда в низменной форме растления. Если просмотреть каналы, которые финансируются либо консервативными, либо либеральными, либо левыми кругами или занимающими хоть какую-то социально обусловленную позицию, то одно событие, один и тот же человек, подвиг будут рассматриваться по-разному, с выпячиванием своих интересов в освещении. Это можно назвать развращением массовой аудитории, которое ни к чему хорошему не приведет. Общество так устроено, что всегда существует необходимое для развития разнообразие. Позиции людей разные, с ними нужно работать, их необходимо осмысливать, но при этом требуется говорить о событиях правду, а не исказить их во имя получения предпочтений от политического момента. Вот какая интересная вещь получается – когда я занимался подготовкой книг по обороне Тулы и Москвы, я просматривал в поисках освещения нужных фактов газеты того времени и имеющиеся у меня все 12 томов сводок Информбюро. Так вот, сообщения Информбюро делались для «общего» пользования, там не говорилось о тех вещах, которые тут же в газетах освещались настолько правдиво, насколько о войне не пишется сейчас. И ясно, что это происходило потому, что без правды нельзя было победить. Это, кстати, не значит, что сводки Информбюро лгут. Они говорят об их политической ориентации, что дает дополнительное знание. Люди эту разницу в массовой информации всегда понимают. Понимали и раньше. Нельзя было победить без слова. Мне говорили люди, которые воевали, что они иногда ждали в окопах газету со статьей И. Эренбурга больше, чем полевую кухню.

Подготовила С.Ю. ДЕМИДЕНКО

ДЕМИДЕНКО Светлана Юрьевна – ответственный секретарь журнала «Социологические исследования»; старший преподаватель Государственного академического университета гуманитарных наук, Москва, Россия (demidsu@yandex.ru).

MEMORY WOULD NOT SUBSIDE (Round Table)

Participants: Alexandr V. ZHAVORONKOV, Dr. Sci. (Sociol.), Chief Researcher, Institute of Sociology FCTAS RAS (larkzhav@yandex.ru); Viktor K. LEVASHOV, Dr. Sci. (Sociol.), Head of the Center for Strategic Social and Socio-Political Studies, Institute of Social Political Studies FCTAS RAS (levachov@mail.ru); Igor V. OBRAZTSOV, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Head of Sociological Laboratory, Moscow State Linguistic University (igorobraztsov@rambler.ru); Liudmila I. ROSTOVTSOVA, Dr. Sci. (Sociol.), Associate Prof., Prof. of Humanities Department, Tula branch of G.V. Plekhanov REA, Tula, Russia (rostovtsevali@mail.ru); Nikolay V. ROMANOVSKIY, Dr. Sci. (Hist.), Prof., Chief Researcher, Institute of Sociology FCTAS RAS; Prof. RSUH; Deputy Head Editor, 'Sociological Studies' Journal (socis@isras.ru); Irina N. TROFIKOVA, Dr. Sci. (Pol.), Leading Researcher, Institute of Sociology FCTAS RAS (itnmv@mail.ru); Mikhail F. CHERNYSH, Dr. Sci. (Sociol.), RAS Correspondent Member, 1st Deputy Director for Research and Academic Education Coordination FCTAS RAS (mfche@yandex.ru). Moscow, Russia – except otherwise designated.

Abstract. May 2020 marks 75th anniversary of the day imprinted in popular memory as "V-Day" = Day of Victory. Sociologists do not stand aside with their analyses of social facts related to the War, as well as of interpretations of the war itself, popular (and that of social groups). They study changing historical memory, agents, subjects, actors influencing this process, emerging mythology of the war and the Victory, etc. Journal staged a distance 'Round Table' inviting expert sociologists to discuss some issues listed below, which focus attention not so much on the past (though this aspect is analyzed as well using sociological methods and tools), as on present day issues. We invited the participants to dwell on the historical memory topic related to 1941–1945 events, on celebrations of the Victory and on how popular consciousness reflects this victory and this war.

Keywords: WWII, Great Patriotic war, historical memory, patriotism, «Immortal Regiment», V-Day.

Svetlana Yu. DEMIDENKO, Executive Secretary (Editor) of the Journal "Sociological Studies"; Senior Lecturer, State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia (demidsu@yandex.ru).
